

История моей жизни

Автор:

[Эндрю Карнеги](#)

История моей жизни

Эндрю Карнеги

КнигиКраткоКниги целиком

Эндрю Карнеги (англ. Andrew Carnegie, 25 ноября 1835 – 11 августа 1919) – американский предприниматель, один из богатейших людей в мире, основатель стальной империи, филантроп, пожертвовавший 90 % своего состояния на благотворительные нужды.

Карнеги сделал своё состояние в сталелитейной промышленности, контролируя самые обширные металлургические операции в США. В начале 70-х гг. XIX века он познакомился с Генри Бессемером, изобретателем конвертерного способа производства стали. С тех пор Карнеги он начал скупать старые железоделательные фабрики и превращать их в сталелитейные. Уже через 6 лет он был в состоянии купить Homestead Steel Works за \$1 млн, тем самым получив контроль над 25 % производства стали и железа в стране.

В конце 1880-х Carnegie Steel Company стала крупнейшим производителем чугуна и стальных рельсов, потенциал для производства которых составлял около 2000 тонн металла в сутки. Карнеги использовал лучшие месторождения США. Его рабочие трудились по 12 часов в сутки без перерывов и выходных. Кстати, именно на его заводе произошла крупнейшая стачка в истории страны.

Последней блестящей деловой операцией основателя Carnegie Steel Company стала ее виртуозная продажа в 1901 году. Джон Рокфеллер предлагал за нее \$100 млн и \$1,5 млн аванса. Но через подставных лиц Карнеги удалось вывести его из игры. Вслед за этим он объявил о начале строительства собственной железной дороги на север США (что было чистейшим блефом). Подобное строительство не устраивало Джона Моргана, который, в свою очередь, также предложил Карнеги купить его заводы. На этот раз цена достигла \$480 млн, на

которые Морган сразу же согласился.

Здесь представлена полная версия книги Эндрю Карнеги «История моей жизни». Мы решили опубликовать его труд целиком, потому что уверены, что после прочтения краткого обзора (<https://www.litres.ru/viktoriya-shilkina/istoriya-moej-zhizni/?lfrom=201227127>) вы непременно захотите познакомиться с жизнью этого легендарного бизнесмена из первых уст. Читайте с удовольствием!

«История моей жизни»

Эндрю Карнеги

Перевод с немецкого А.Острогорской-Малкиной

Глава 1

Мои предки и детство в Шотландии

Мой приятель, судья Меллон из Питтсбурга, написал несколько лет назад историю своей жизни, и это было для его друзей источником радости и большого нравственного удовлетворения. Главное достоинство этой книги в том, что она показывает нам человека, каков он есть, без всяких прикрас, так как написана без малейшего намерения привлечь общественное внимание и первоначально была предназначена автором только для членов его семьи. Так и я хочу рассказать свою жизнь не с целью вызвать к себе общественный интерес, а чтобы познакомить с ней всех ближайших друзей и родных, полагая, что даже самые незначительные эпизоды моей жизни могут все-таки интересовать их.

Итак, я начинаю. Я родился 25 ноября 1835 г. в Данфермлине, в маленькой комнатке на чердаке небольшого одноэтажного дома на углу Муди Стрит и Прейори Лэн. Я происхожу, как это принято говорить, из «бедной, но уважаемой семьи». Данфермлин давно известен как центр шотландской полотняной торговли. Мои предки жили в XVIII веке в живописной местности к югу от Данфермлина, но из-за роста полотняной промышленности вынуждены были переселиться в Данфермлин. Мой отец, Уильям Карнеги, был ткачом. Он был сыном Эндрю Карнеги, в честь которого я был назван.

Мой дед Карнеги славился по всей округе умом, остроумием и неизменной веселостью. В молодости он отличался чрезвычайной живостью и приобрел широкую известность как руководитель общественных собраний Патнемюйрской коллегии. Не только в деревне, но и в ближайшем городе и в провинции он считался выдающимся человеком. Как начитанный и умный человек он вошел в контакт с радикально настроенными ткачами Данфермлина, которые организовали в Патнемюйре собрания, называемые «Коллегией». Эндрю называли там «профессором».

Когда я однажды после четырнадцатилетнего отсутствия вернулся в Данфермлин, со мной заговорил один сгорбленный старик, услышавший, что я внук «профессора», как величали моего деда его знакомые. Старик этот, с трудом передвигая изуродованные подагрой ноги, хромя, прошел через комнату ко мне и, положив мне на голову дрожащую руку, сказал:

– Так вы внук Эндрю Карнеги? Да, мой милый друг, я еще помню те времена, когда мы с вашим дедушкой сводили с ума своими глупыми проказами самых благоразумных людей!

Другой рассказал мне, между прочим, следующий анекдот, касающийся моего деда. Однажды, в ночь под Новый год, одна старушка в деревне, большая оригиналка, была напугана тем, что вдруг увидела в окне какую-то замаскированную голову. Однако она быстро овладела собой и, присмотревшись, воскликнула:

– Ах! Это, наверное, сумасбродный Эндрю Карнеги!..

И она угадала. Мой дед, несмотря на свои семьдесят пять лет, мог выкидывать такие же штуки, как самая веселая молодежь. Он надел маску на голову только

для того, чтобы подшутить над своей старой приятельницей и попугать ее.

Мне кажется, я унаследовал от моего чудесного, вечно веселого деда, имя которого ношу с гордостью, и неизменный оптимизм, и способность отгонять от себя все заботы и мрачные мысли, и жизнерадостность. Я умею «превращать своих уток в лебедей», как говорили про меня друзья. Думаю, в жизни такая бодрость духа имеет даже большее значение, чем богатство. Пусть молодежь знает, что это свойство можно воспитать в себе и что душа, как и тело, должна купаться в солнечных лучах. Прогоняйте печальные мысли, если они у вас есть и если они не вызваны упреками совести и сознанием своей неправоты. Помните великое жизненное правило, завещанное нам Бёрнсом: «Бойся только суда своей совести». Я с самой ранней молодости руководствовался этим правилом, и оно принесло мне больше пользы, чем все проповеди, какие только приходилось в жизни слушать, – а их было немало! Во всяком случае, я должен сознаться, что в более зрелые годы приобрел некоторое сходство с моим другом Байли Уокером. Однажды врач, лечивший его, спросил, как он спит. Он отвечал, что сон у него плохой и у него часто бывает бессонница. «Но, – прибавил он, весело подмигнув, – я иногда хорошо высыпаюсь в церкви!».

Мой дед с материнской стороны Томас Моррисон был еще более замечательным человеком. Он был другом Уильяма Коббетта, известного английского публициста, издававшего в Лондоне с 1802 года оппозиционную и радикальную газету «The Weekly Political Register», стяжавшую своему издателю большую популярность. Дед был сотрудником этой газеты и состоял в постоянной переписке с ее издателем. До сих пор еще старики в Данфермлине вспоминают о моем деде Моррисоне как о лучшем ораторе и способнейшем человеке, какого они только знали. Он был издателем первой радикальной газеты в Шотландии, которая была, так сказать, уменьшенным изданием газеты Коббетта. Я читал некоторые его писания и ввиду того огромного значения, которое в настоящее время придается ремесленному образованию, считаю особенно замечательной брошюру, изданную им лет семьдесят назад, в которой он горячо защищает ремесленное обучение и заканчивает следующими словами: «Я благодарю Бога, что учился шить и чинить башмаки в своей молодости». Коббетт напечатал ее в своей газете в 1833 году, снабдив следующим редакционным примечанием: «Наилучшее исследование этого вопроса, которое когда-либо имело место в нашей газете, принадлежит перу нашего высокоуважаемого друга и корреспондента в Шотландии Томаса Моррисона»... Таким образом, я, должно быть, унаследовал склонность к писательству с двух сторон – со стороны матери и со стороны отца.

Мой дед Моррисон был прирожденный оратор, ревностный политик и вождь крайне левого крыла радикальной партии в своем округе. Впоследствии такое же положение занял там его сын, мой дядя Байли Моррисон. Не раз меня посещали в Америке шотландцы, желавшие пожать руку внуку Томаса Моррисона. Директор железнодорожной компании «Кливиленд и Питтсбург» мистер Фармер сказал мне однажды: «Всеми своими знаниями я обязан влиянию вашего деда». А Эбenezер Гендерсон, автор прекрасно написанной истории Данфермлины, заявил, что успехом в жизни он всецело обязан тому счастливому обстоятельству, что еще мальчиком поступил на службу к моему деду.

Я много слышал лестных отзывов в своей жизни, но никогда ни одна похвала не доставляла мне такого удовольствия, как слова сотрудника одной газеты, издающейся в Глазго. Он слышал в Америке мою речь о гомруле и в своем отчете упомянул, что в Шотландии очень много говорят обо мне и моей семье и в особенности о моем деду, Томасе Моррисоне. «Каково же было мое удивление, – прибавляет он, – когда я увидел на ораторской трибуне живой портрет Томаса Моррисона! Так велико было сходство с ним его внука во всех отношениях».

Мое замечательное сходство с дедом не подлежит, впрочем, никакому сомнению. Я не могу вспомнить, видел ли его когда-нибудь, но хорошо помню, что когда мне было уже двадцать семь лет и я в первый раз вернулся в Данфермлины, большие черные глаза моего дядюшки Байли Моррисона, сидевшего возле меня на диване, вдруг наполнились слезами. Он был так взволнован, что не мог выговорить ни слова и выбежал из комнаты. Спустя несколько минут он вернулся и объяснил, что во мне есть нечто напоминающее ему отца, и это сходство то появляется, то исчезает. Он не мог уяснить, в чем оно, собственно, заключается, но, по-видимому, мои движения порой напоминали ему отца. Моя мать тоже замечала это сходство. Мой дед Моррисон был женат на мисс Ходж из Эдинбурга, прекрасно образованной и воспитанной девушке, занимавшей хорошее положение в обществе. Она рано умерла. Тогда дед жил в хороших условиях. Он торговал кожей и был директором кожевенного завода в Данфермлине. Но мир, заключенный после битвы при Ватерлоо, разорил его, как и тысячи других. Поэтому младшие дети в семье жили уже в худших условиях, и только старший сын, мой дядя Байли, был воспитан в некоторой роскоши и даже имел собственного пони для верховой езды.

Второй дочерью была моя мать. Я не в состоянии описать ее как следует и скажу лишь, что она унаследовала от своей матери изящную наружность и манеры образованной женщины. Может быть, я когда-нибудь расскажу об этой чудесной

женщине. Впрочем, вряд ли я сделаю это. Она представляет для меня слишком большую святыню. Никто не знал ее так, как знаю я. Мой отец умер рано, и после его смерти она была для меня всем. Первая моя книга имеет такое посвящение: «Моей самой дорогой героине, моей матери». И этими словами все сказано.

Если мне улыбнулось счастье в отношении родных, то еще больше мне повезло в отношении места моего рождения. Очень важно, где ты родился, так как окружающая среда и традиции пробуждают и развивают в ребенке многие дремлющие наклонности. Рёскин очень верно замечает, что на каждого живого и способного мальчика в Эдинбурге оказывает влияние один вид замка; так же и в Данфермлине на ребенка производит впечатление вид великолепного монастыря – шотландского «Вестминстера», построенного в XI веке шотландским королем Малькольмом III, женатым на англосаксонской принцессе Маргарет, которая в XIII веке была причислена к лику святых. Малькольм был убит в сражении с англичанами.

До сих пор еще стоят развалины этого великого монастыря и дворца, в котором короли впервые видели свет. Там же находятся Питтенкриффское ущелье с могилой королевы Маргарет и развалины башни короля Малькольма, о которой говорится в знаменитой старинной балладе неизвестного происхождения, впервые опубликованной в 1765 году и описывающей гибель корабля одного шотландского вельможи вместе с его свитой.

Могила Роберта Брюса, бывшего претендента на престол, одержавшего решительную победу над английским королем Эдуардом II и добившегося свободы для Шотландии, находится в средней части монастыря. Рядом с ним покоится королева Маргарет и другие члены королевской семьи. Право же, счастлив тот ребенок, который родился в этом городе, полном романтической поэзии и лежащем на возвышенности, откуда открывается чудный вид на море и на вершины гор. И все это окружено очарованием великого прошлого Шотландии, когда Данфермлин был столицей этой страны как в национальном, так и в религиозном отношении.

Ребенок, вырастающий в такой обстановке, самый воздух которой пропитан романтизмом и поэзией, уже с раннего детства узнает историю и предания своей родины, и для него все это становится действительностью. Эти первые впечатления не изглаживаются из его памяти и сохраняются до конца жизни. Они могут временно исчезать, заслоняемые суровыми фактами обыденной жизни, но всегда появляются опять, и они-то придают ей красочность и

освещают ее. Ни один ребенок в Данфермлине, обладающий живым воображением и умом, не может избежать влияния, оказываемого на него видом этого древнего монастыря, этого дворца и ущелья. Полученные им впечатления оставляют неизгладимый след в его душе и развивают в ней такие качества, которые остались бы в зародыше, родись он в менее благоприятной обстановке. Мои родители тоже родились и выросли в такой же среде, влияющей на душевное развитие, и, без сомнения, это обстоятельство вызвало у них такую склонность к поэзии и романтизму.

Когда отец достиг своим ремеслом некоторого благосостояния, мы заняли другое, более удобное помещение в Рейд-парке. На нижнем этаже стояли четыре или пять ткацких станков отца, мы же жили на верхнем этаже, куда вела с улицы лестница снаружи дома, как это было во всех старинных шотландских домах. С этим домом связаны самые первые мои воспоминания. Странным образом я прежде всего помню день, когда увидел маленькую географическую карту. Она была навернута на небольшую круглую палочку величиной в два фута. Мой отец, моя мать, дядя Уильям и тетя Айткен искали город Питтсбург, озеро Эри и Ниагарский водопад. Вскоре после этого дядя Уильям и тетя Айткен отправились в эту обетованную землю.

Помню также, какое глубокое впечатление произвела на меня и моего двоюродного брата Джорджа опасность, которой мы подверглись однажды вследствие того, что у нас на чердаке было спрятано революционное знамя. Это знамя было приготовлено с той целью, чтобы отец, дядя или кто-нибудь другой из почтенных радикалов в нашей семье нес его в процессии во время агитации против хлебных законов.

Мне кажется, кто-то из нашей семьи действительно нес это знамя. В городе произошло восстание, и туда был прислан отряд кавалерии. Оба моих деда, все мои дяди и отец выступали на собраниях, и вся семья пришла в сильнейшее возбуждение. Я помню так ясно, будто это было вчера, как однажды ночью был разбужен стучом в окно. Пришли несколько мужчин и сообщили родителям, что дядя Байли Моррисон посажен в тюрьму за то, что осмелился устроить запрещенное собрание. Шериф приказал солдатам арестовать его ночью за несколько миль от города, где происходило собрание, и привести в город, что и было исполнено, причем его сопровождала громадная толпа. Опасались серьезных беспорядков, так как толпа грозила освободить его. Позднее мы узнали, что бургомистр просил его подойти к окну, выходящему на главную улицу, и приказать толпе спокойно разойтись. Он исполнил эту просьбу и

обратился к толпе со следующими словами:

- Каждый сочувствующий доброму делу, пусть скрестит руки!

Все сделали это, и тогда он прибавил:

- Ну а теперь идите с миром!..

Правительственные чиновники были настолько благоразумны, что оставили это дело без последствий, а сограждане Моррисона доказали ему свою признательность и уважение тем, что избрали его в совет и городской парламент. Вскоре после этого он был назначен городским казначеем, и таким образом патриотический реформатор, которого власти хотели арестовать как нарушителя законов, сам сделался посредством своего избрания представителем городской власти и, кроме того, получил блестящее доказательство всеобщего уважения и доверия. Мой дядя, как и все в нашей семье, был строго нравственным человеком и всегда повиновался законам, но все же он был убежденным радикалом и горячим поклонником американской республики.

Можно себе представить, какие возмущенные речи произносились в нашем тесном кругу в то время, когда происходили эти события. Я рос среди волнующих разговоров и нападок на монархически-аристократическое правительство, на всякого рода привилегии и постоянно слышал, как восхвалялась республиканская форма правления и указывалось на превосходство Америки, страны, населенной людьми нашей расы и ставшей родиной свободных людей, где все граждане равны. Я был готов, будучи ребенком, убить короля, герцога или лорда и считал бы такое убийство заслугой перед государством и геройским поступком. И так сильно было влияние этих первых впечатлений детства, что я долго потом не мог заставить себя относиться с почтением к какому бы то ни было привилегированному классу. Я всегда с некоторой иронией взирал на родословную кого-нибудь из них и думал: «Ведь он еще ровно ничего не сделал и только благодаря случайности занял такое положение. Он – обманщик, украсивший себя чужими перьями. Единственное, что выдвинуло его перед другими, это его происхождение. Но лучшее, что заключается в его семье, скрыто, подобно картофелю, под землей». И я удивлялся, как это умные люди могут жить в такой стране, где человек рождается уже облеченным преимуществами перед другими. Конечно, все мои негодующие слова по этому поводу были простой болтовней, лишь повторявшей

то, что я слышал дома.

Данфермлин в течение долгого времени был известен как самый радикальный город во всем королевстве, и это тем более замечательно, что в дни, о которых я говорю, его население преимущественно состояло из самостоятельных мелких фабрикантов, каждый из которых владел одним или несколькими ткацкими станками. Они не были ограничены каким-то определенным рабочим временем, но трудились сдельно, получая от крупных фабрикантов материал для обработки, и ткали у себя дома.

В то время волны политического движения вздымались высоко, и часто можно было видеть во всем городе в обеденное время маленькие группы людей в рабочих фартуках, стоявших на улице и горячо рассуждавших о политике. На устах у каждого были имена Юма, Кобдена и Брайта. Хотя я был еще мал, но эти группы часто привлекали меня, и я с напряженным вниманием прислушивался к этим разговорам, которые, однако, всегда носили односторонний характер и повторяли один и тот же припев: так не может продолжаться! Жители города основывали клубы и подписывались на лондонские газеты. Передовые статьи ежедневно читались публично по вечерам и, что было особенно удивительно, громко читались с одной из городских кафедр. Часто это делал мой дядя Байли Моррисон, и так как он и другие сопровождали чтение комментариями, то, естественно, все это возбуждающе действовало на слушателей.

Такие политические собрания происходили часто, и, конечно, я ими очень интересовался, как и все в нашей семье, и нередко принимал в них участие. Обыкновенно речи произносили мой дядя или отец. Помню, как однажды вечером отец выступал с речью в большом собрании за городом. Я протиснулся в толпу слушателей и, когда раздались особенно громкие возгласы одобрения, тоже не мог удержать своего восторга и сказал человеку, у ног которого пристроился, что говорит мой отец. Тогда этот человек поднял меня и посадил к себе на плечо, чтобы я мог все видеть.

В другой раз отец сам взял меня с собой, чтобы послушать Брайта, который должен был говорить в собрании. Дома я раскритиковал его неправильный выговор, он произносил многие буквы и слова не так, как мы в Шотландии. Неудивительно, что в такой среде я рос пылким молодым республиканцем, лозунгом которого было «Долой все привилегии!». Я тогда даже не знал, что такое привилегии, но мой отец знал это.

Замена ручных ткацких станков паровыми роковым образом отразилась на нашей семье. Мой отец не признал вовремя важности такого переворота в своем ремесле и долго придерживался старой системы. Его заработки сильно уменьшились, и мать, которая всегда была ему помощницей в нужде, должна была предпринимать невероятные усилия, чтобы поддерживать семью. Она открыла лавочку в городе и таким образом помогала отцу содержать семью; хотя доходы ее были невелики, все же этого было достаточно, чтобы мы могли жить прилично. Помню также, я тогда в первый раз узнал, что значит быть в зависимости. То были ужасные дни, когда отец понес крупному фабриканту последний кусок материи, и мать со страхом ждала его возвращения, чтобы услышать от него решение нашей судьбы – получит он новые заказы или нам будет грозить безработица. Меня мучила мысль, что отец должен идти к другим людям и просить у них работу; тогда у меня возникло решение все это изменить, когда вырасту. Правда, нам было еще не так плохо, как некоторым другим нашим соседям, но я не знаю, на какие лишения не обрекла бы себя моя мать, лишь бы видеть своих обоих мальчиков всегда хорошо одетыми и в больших белых воротничках.

Мои родители как-то однажды необдуманно дали обещание не посылать меня в школу до тех пор, пока я сам не попрошу об этом. Потом я узнал, что по мере того как проходило время и я вырастал, их все больше и больше огорчало то обстоятельство, что я не выказывал ни малейшей склонности обратиться к ним с подобной просьбой. Они отправились к учителю Роберту Мартину и попросили его немного заняться мной. И вот однажды он взял меня с собой на экскурсию вместе с некоторыми моими товарищами по играм, которые уже ходили в школу, и родители были очень обрадованы, когда спустя несколько дней я попросил у них разрешения посещать школу мистера Мартина. Тогда мне было почти восемь лет, и позднее я узнал, что каждый ребенок в эти годы уже ходит в школу.

Посещение школы доставляло мне большое удовольствие, и я бывал очень огорчен, если по какойто причине должен был пропустить урок. Это случалось иногда вследствие того, что я по утрам должен был приносить воду из колодца на верхнем конце нашей улицы. Приток воды в этот колодец был очень скуден, так что иногда можно было добыть из него воду лишь позднее, и случалось, что когда я приходил за водой, там уже стояла толпа старух, которые обеспечили себе место в очереди, поставив на улице ночью никуда не годный старый кувшин. Конечно, из-за этого возникали бесчисленные споры, в которых, однако, этим старым тетушкам не удавалось взять надо мной верх, и поэтому я заслужил у них репутацию отвратительного мальчишки. По всей вероятности, благодаря этому обстоятельству во мне так развилась склонность к борьбе, не исчезнувшая

в течение всей моей жизни.

Выполнение этих обязанностей часто заставляло меня опаздывать в школу, но учитель знал причину моего опоздания и потому не сердился на меня. Прибавлю к этому, что зачастую мне и после школы приходилось выполнять разные деловые поручения, и я с чувством удовлетворения вспоминаю, что уже с десятилетнего возраста был полезен родителям. Несколько позднее мне даже стали доверять вести счета наших клиентов, и таким образом я еще в детском возрасте приобрел некоторую ловкость в делах.

Но в моей школьной жизни были и темные стороны. Мальчишки дали мне прозвище «последыш Мартина» и частенько кричали мне вслед этот ужасный эпитет, когда я проходил по улице. Я не знал, что это, собственно, означает, но мне казалось, что это очень оскорбительное прозвище, и оно помешало мне сблизиться со своим превосходным учителем так, как я бы этого хотел. Я очень многим обязан этому единственному учителю, который у меня был, и меня до сих пор огорчает, что я не имел возможности доказать ему хоть чем-нибудь свою благодарность в течение его жизни.

Я должен упомянуть здесь еще об одном человеке, имевшем большое влияние на мое развитие. Это мой дядя Джордж Лаудер, отец моего кузена, которого звали уменьшительным именем «Дод». Мой отец вынужден был постоянно находиться в мастерской за работой, поэтому днем он не мог уделять мне много времени. Но мой дядя не был так занят и принадлежал к аристократии лавочников Данфермлина. Смерть моей тетки, его жены, умершей примерно в то время, как я начал ходить в школу, была для него

жестоким ударом, и единственное утешение в своем горе он находил, занимаясь с сыном Джорджем и со мной. Он обладал необыкновенным умением обращаться с детьми, и мы получили от него много разных знаний. Между прочим, я хорошо помню, как он учил нас английской истории. Каждому монарху он отводил определенное место на стене комнаты и

заставлял нас хорошенько запоминать, чем тот или иной король прославился в истории. Я как сейчас вижу перед собой над камином портрет короля Иоанна, подписывающего Великую хартию вольностей, а королеву Викторию с детьми – возле дверей комнаты. Могу

гарантировать, что в нашем списке английских властителей не было ни одного пробела, подобного тем, которые я впоследствии нашел в Вестминстерском аббатстве. На дощечке в маленькой вестминстерской часовне сообщается, что тело Оливера Кромвеля оттуда унесено, и это было все, что говорилось о нем. А в нашем списке, который я учил, сидя на коленях у дяди, великий республиканский властитель был изображен в тот момент, когда он писал послание римскому папе и грозил ему, что «если он не прекратит преследование протестантов, то услышит гром английских пушек». Нечего и говорить, что мы ценили Кромвеля гораздо больше, чем всех других английских властителей вместе взятых.

От моего дяди я узнал всю старую историю Шотландии и скажу, что именно тогда во мне проснулся шотландский партикуляризм (или патриотизм), который исчезнет лишь с моей смертью. Само собой разумеется, что нашим героем был Уильям Уоллес, борец за

шотландскую свободу, который был казнен в 1305 году английским королем Эдуардом I. Все героическое сосредоточивалось в наших глазах в личности этого шотландского борца.

Я очень огорчился, когда однажды в школе один нахальный великовозрастный юноша сказал мне, что Шотландия гораздо меньше Англии. Я тотчас же побежал к дяде, чтобы поделиться с ним огорчением, но он утешил меня следующими словами:

– Ничего подобного, дружок! Если бы Шотландию разгладили вальком и она стала такой же плоской, как Англия, то оказалась бы гораздо больше Англии. А разве ты хотел бы разгладить наши горы?

Конечно, нет! И это было успокоительным бальзамом для ран юного шотландского патриота. Когда же позднее мне опять поставили на вид большую населенность Англии по сравнению с Шотландией и я опять побежал к дядюшке, то он подтвердил мне это, но в утешение напомнил, что при Баннокбёрне в 1314 году, когда шотландский король Роберт

Брюс одержал победу над английским королем Эдуардом II, шотландцы стояли лицом к лицу с гораздо большими силами англичан. И снова мое сердце юного патриота наполнилось радостью при одной мысли, что чем больше было

англичан, тем больше

славы шотландцам, победившим их.

Все это может служить комментарием к той истине, что война всегда вызывает новую войну и каждое сражение разбрасывает семена будущих сражений, и таким путем между народами возникает традиционная вражда. Юные американцы переживают то же,

что и юные шотландцы. Рассказы о Вашингтоне, о героическом сражении зимой при Валлей-Фордже, о наемной войске для избиения американцев, конечно, оказывают влияние на юную душу и развивают в ней с самого начала ненависть к одному только имени англичан. Я это испытал на собственных американских племянниках. Шотландию они находили прекрасной страной, но Англию, которая сражалась с Шотландией, они рассматривали как злейшего врага. Это предубеждение против Англии более или

менее исчезло лишь после того, как они сделались взрослыми людьми, да и то не вполне. Влияние, оказываемое на детскую душу рассказами о героях, очень велико.

Много дней и вечеров я проводил у своего дяди Лаудера, и между его сыном и мной возникла прочная братская дружба. В семье нас называли «Дод» и «Нэг». Так называли мы друг друга в детстве, когда еще не могли произнести как следует своих полных имен.

Я мог возвращаться домой от дяди двумя путями: более коротким, через старое кладбище монастыря, пробираясь между могилами, где было совершенно темно, или через Майские ворота, вдоль освещенной улицы. Когда наступало время идти домой, дядя с некоторым ехидством всегда спрашивал меня, по какой дороге я хочу вернуться. Я рассуждал, как бы поступил Уоллес на моем месте, и поэтому неизменно отвечал, что пойду через кладбище. И могу с чистой совестью сказать, что ни разу не поддавался искушению и не пошел другой дорогой, освещенной фонарями, хотя сердце у меня билось от страха так сильно, что готово было выскочить, когда я проходил под сводами старого монастыря. Я бежал в темноте и свистел для поддержания мужества, стараясь думать только о том, как бы поступил Уоллес, если бы перед ним очутился естественный или сверхъестественный враг. Вообще нашим главным

национальным героем был Уоллес, так как он происходил из народа, и я в нем черпал свое мужество. Для мальчика очень важно иметь в душе такой идеал героя.

Когда я переехал в Америку, то даже почувствовал некоторое огорчение, что на свете есть другая страна, которая может утверждать, что у нее есть чем гордиться. Но разве в Америке были Уоллес, Брюс и Бёрнс? И такое чувство все-таки гнездится в душе

каждого шотландца, если он еще не порвал с родиной. Только в более зрелые годы, когда расширяется кругозор, начинаешь понимать, что у каждого народа свои герои и свой романтизм, своя история и свои великие деяния.

Только после многолетнего пребывания в Америке я понял, что эта страна не будет для меня одним только временным местопребыванием. Мое сердце все же оставалось в Шотландии.

Мой славный дядя Лаудер, обучая нас, придавал особое значение декламации, и мы с Додом часто получали несколько пенни, когда, выступая в бумажных шлемах, с деревянными мечами за поясом, декламировали не только перед нашими школьными товарищами, но даже перед взрослыми слушателями.

Благодаря учебному методу моего дядюшки у меня очень развивалась и укреплялась память. Он заставлял нас учить наизусть любимые стихи и часто декламировать, поэтому я приобрел способность необыкновенно быстро выучивать наизусть все, что мне нравилось, и даже приводил этим в изумление друзей. Конечно, я выучивал так же быстро и то, что мне не нравилось, но зато так же быстро и забывал это. Например, во время обучения я должен был ежедневно учить наизусть две строфы из одного псалма. Мне это было очень не во вкусу, поэтому я не раскрывал псалом раньше, чем по дороге в школу, куда я приходил минут через пять или шесть, если шел медленно. И в этот промежуток я успевал выучить то, что нужно, и так как псалмом надо было отвечать

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/karnegi_endryu/istoriya-moej-zhizni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)